

2008 г. В.Х. Сахибгоряев

ФАШИЗМ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Исключается теория случайности фашизма вообще и фашизма в Германии, в частности. Делается вывод о том, что условия возникновения фашизма не могут быть охарактеризованы как досадная историческая случайность, некоторое отклонение от общего контекста развития истории.

Наличие Веймарского государства в Германии, особенно в первое пятилетие его существования, многие исследователи считают неудачным, случайным стечением конкретно-исторических обстоятельств, что, собственно и способствовало появлению фашизма. При этом возникновение фашизма связывают с конкретной социально-политической и экономической ситуацией. Поражение Германии в Первой мировой войне, крушение кайзеровской Германии, экономический кризис, грабеж Германии странами-победительницами, революция 1918 г., и многое другое выглядит частью карточной колоды, внезапно выпавшей на сукно в нужной последовательности. Фашизм предстает не закономерностью, обусловленной естественным ходом событий, а досадной случайностью, порочащей саму суть европейской культуры.

Безусловно, без Веймарской системы фашизм был бы невозможен. Его в буквальном смысле вытолкнули на свет Божий нищета, безысходность и национальное унижение. Значение Веймарской республики в том, что она потакала развитию крайне радикальных идеологий, не принимая никаких мер для ограничения пережитков милитаризма и обуздания национализма и настроений реваншизма в области реальной политики. Ведь военный реванш и милитаризация были официальными лозунгами гигантского количества крайне правых и даже умеренных движений и партий. Самые радикальные милитаристские и националистические программы и призывы стали вполне обычным делом в политике. В этом и заключается досадный просчет Веймарской системы того типа молодой демократии, когда принцип свободы слова действует без каких-либо ограничений, без самого главного – принципа ответственности. А между тем, демократия не подразумевает открытых призывов к насилию, внеконституционных форм борьбы.

Однако говоря о возникновении фашизма, не следует сводить проблему к одной только Германии. Мы знаем, что фашизм есть явление общеевропейское, проблема всего европейского сообщества. Явление фашизма зафиксировано и в Англии, и во Франции, и в Бельгии, и в Финляндии, и во многих других государствах, но значительного влияния он добился в бедных странах, странах разоренных войной, охваченных нищетой, и при этом – в молодых мононациональных государствах. Италия, Германия, Румыния, Венгрия, Австрия – это все государства, которые вновь «обретали себя» после кровавой бойни Первой мировой войны, вновь формирующие свои национальные доктрины. «Синдром агрессивной Веймарской охлократии» был присущ им всем. Значит, речь идет не о заявленной «случайности» фашизма, а о том, что в серьезных исторических и философских исследованиях принято называть «причинами конкретно-исторического характера», то есть объективным результатом более общих, глобальных процессов. Уместным было бы привести цитату Карла Ясперса, всегда выступавшего против прочтения некоторых исторических событий, как случайных. «То, что в масштабе универсального составляет просто случайную особенность, может как раз и быть воплощением подлинной историчности. Основой человечества может быть только соотношение в истории того, что в своей сущности

составляет не отклонение, а позитивное изначальное содержание, не случайность в рамках всеобщего, а звено единой всеохватывающей историчности человечества»[1].

В связи с этим вернемся к исключению теории случайности фашизма вообще и фашизма в Германии, в частности. Он был предуготовлен всем ходом развития капитализма в Европе. Индустриализм и национализм, его верные спутники, наметили две прямо противоположные тенденции развития Запада. Эти тенденции заключались в противостоянии экономической и политической сфер жизни любого государства. Так, капиталистическая экономика развивалась в направлении интеграции, размывая национальные границы, что в конце концов сказывалось и на национальных культурах, и на национальных традициях. Экономика капитализма аннигилировала само национальное бытие. Политика, находящаяся в авангарде общественного развития в период ломки традиционного общества, напротив, стала тяготеть к реакции и частичной реставрации национальной культурной традиции. Это обогатило почву для произрастания националистических доктрин. Возникла общеевропейская вера в то, что каждый этнос достоин своей государственности. Так, в Европе начались необратимые процессы, повлиявшие и на политическую карту континента, и на сам ход поступательного развития.

В этом смысле диаметрально противоположные, в своем политическом прочтении, процессы развала Османской, Австро-Венгерской и Российской империй и образования на их территориях множества самостоятельных государств, с одной стороны, и объединение дробных территорий Германии и Италии в единые государства, с другой, выглядят в национально-культурном прочтении едиными и объективными. Все эти процессы привели в соответствие господствующие национальные доктрины с политической картой континента. Представляется очевидным, что эти глобальные процессы протекали в условиях нарастания противоречий общеполитического характера, выраженных во взаимных территориальных претензиях, застарелых национальных обидах. В результате, именно эти процессы и стали причиной империалистической войны, имевшей целью зафиксировать статусы новых государств в новых политических условиях.

Война, помимо того, что она требовала колоссальных ресурсов и крайнего напряжения национальных экономик, что само по себе вело к обнищанию, разрушила единый хозяйственный организм Европы, дезинтегрировала его, атомизировала национальные экономики. Это привело к системному экономическому кризису и взрыву социальной активности. В этих условиях возникал выбор между двумя основными векторами социальных преобразований в революционном творчестве масс, а по-существу, антикапиталистическими векторами развития: социализмом нации-государства, базирующимся на концепции национализма и социализмом социально-классовым, основой которого был интернациональный марксизм. При этом либеральная демократия отвергалась в принципе, как «форма сговора крупной буржуазии», а ее альтернативой выступала диктатура «основной движущей силы революции». В первом случае это диктатура нации-расы, а во втором – крупного социального класса пролетариата.

Таким образом, ни условия возникновения фашизма, ни сам фашизм не могут быть охарактеризованы как досадная историческая случайность, некоторое отклонение от общего контекста развития истории. Другое дело, что признание этого факта бросает тень на «беспорочный буржуазный либерализм», в недрах которого и были сформированы две ведущие концепции социализма, как его альтернативы. А это не приемлемо для господствующих ныне идеологий. Но признание этого факта необходимо, поскольку буржуазный либерализм, который теперь чаще именуется просто «либерализмом», в буквальном смысле царствует в западном мире, и в настоящее время достиг наивысшего процветания. С одной стороны, это может свидетельствовать об опасности появления расового или классового тоталитаризма вновь. Но с другой – либерализм демонстрирует некоторый потенциал роста и пытается защитить себя от проявлений антидемократизма в политике, совершенствуя нормативную базу безопасного бытия. Правда, последнее не представляется абсолютно очевидным и бесспорным, но это уже проблема совершенно другого исследования.

Литература

1. *Ясперс Карл*. Истоки истории и ее цель // Ясперс Карл. Смысл и назначение истории. М., 1994.
2. *Сахибгоряев В.Х.* Массовое сознание фашистской Германии. Ростов-на-Дону. 2004.
3. *Тойнби А.* Постигение истории. М., 1991.
4. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб, 1998.
5. *Чернявский Г.И.* Большевизм и национал-социализм: сравнительный анализ двух форм тоталитаризма. Харьков, 1993.

Магаданский институт экономики

Санкт-Петербургской академии управления и экономики

9 февраля 2008 г.
